

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Развитие конструктивистской гипотезы в методологии историописания

Чурсанова Имбия Александровна

Аспирант

Воронежский государственный университет, факультет философии и психологии,

Воронеж, Россия

E-mail: imbi-chursanova@yandex.ru

Основным открытием эпистемологии конца XIX века стало признание факта социокультурной обусловленности процессов познания в науках о культуре, а затем, впрочем, и в науке как таковой. Что в свою очередь обострило проблему объективности общественных наук, так как социальность разума, его погруженность в культурную среду противоречит базовой научной установке на его объективность. Попытки разрешения этой проблемы делаются в рамках кантианских в основе своей рассуждений о конституирующей природе познающего, т.е. активного сознания. В этом русле всеобщее признание конструктивистской гипотезы как методологической основы социальных наук неудивительно. В этом контексте идут исследования В.Дильтея, Баденской школы неокантианства, М.Вебера, к ним же присоединяются Дж.Коллингвуд и Б.Кроче, не смотря на свою принадлежность к неогегельянству, а так же школа "Анналов". Всем им присуще рассмотрение исторического познания как конструирующего движения мысли историка по воссозданию некой картины прошедшей реальности. Однако логически следующая из такой позиции необходимость в изучении непосредственно тех структур познающего разума, с помощью которых и происходит реконструкция предмета исследования, не реализуется. Происходит смещение от изначального дуализма в отношении разума и культуры к их объединению в рамках трансцендентальной установки, сводящей исследования в сфере социо-гуманитарного познания к формам соморerefлексии культуры как особого рода бытия. Как отмечает Н.Е. Копосов такое погружение сознания в социальное (или в культуру) было в какой-то мере залогом объективности познания, или, во всяком случае, шансом с помощью родового релятивизма избежать разрушения разума, следующего из релятивизма индивидуального.[2] Историографии в этом случае ничего не оставалось, как заимствовать герменевтическую методологию, что и произошло в немецкой традиции начала XX века. Однако вопрос о структурах познающего сознания, которые формируют понятия и создают смыслы в науках о культуре остался открытым.

Аналитическая традиция, активно исследовавшая проблему объективности в истории, провела грандиозную работу по выявлению специфики повествовательных структур, относящихся к прошлому, где подробно была рассмотрена проблема соотношения объяснения и описания в истории. Все эти исследования базировались на признании того факта, что исторический текст имеет собственную специфику и те формальные структуры, которые он в себе включает, тем или иным способом конституируют социально-историческую реальность, о которой идет речь. Однако аналитическая философия исходила из фрагментарного анализа отдельных текстуальных единиц; предложений, высказываний и умозаключений о прошлом и дальше этого не пошла. Подход к историческому тексту как целостности, обладающей своими собственными чертами

и свойствами, был сформирован во второй половине XX века в философии постмодернизма.

Постструктуралистская методология истории, представленная в первую очередь работами Х.Уайта, Л. Минка, Д. Ла Капра и Ф. Анкерсмита, как таковая представляет собою логически до конца развернутую конструктивистскую гипотезу с конкретным ответом на вопрос о природе структур, делающих возможным историческое познание. Эту роль, как известно, в данном подходе выполняют лингвистические конструкции. Известные слова Уайта о том, что нужно воспринимать историческое сочинение как вербальную структуру в форме повествовательного прозаического дискурса, предназначенную быть моделью, знаком прошлых структур и процессов в интересах объяснения - стали точкой отсчета для развертывания нового понимания истории – нарративного.[4] Знаковым моментом в становлении нарративной философии истории можно считать введение применительно к историческому тексту Р. Бартом такого понятия как «эффект реальности». Указывая на то, что, используя сугубо лингвистические приемы, историк создает в своем сочинении иллюзию того, что оно является описанием некогда существовавшей объективной (внеязыковой) реальности, Барт уравнивает историописание и литературу. «Метаистория» Х.Уайта с ее системой тропов, задающих то или иное рассмотрение событий в нарративах, предлагает практически эквивалент кантианской концептуальной схеме применительно к историческому познанию. Ф.Анкерсмит разрабатывает нарративную логику, которая является основой для анализа любого исторического текста и вводит понятие нарративной субстанции для обозначения тех самых ментальных структур, которые одновременно и формируют исторический дискурс и сами в нем формируются, при этом отмечая, что Структура нарратива, по словам Анкерсмита, – это структура, которая придается или навязывается прошлому, она не является результатом рефлексии над родственной структурой, объективно присутствующей в самом прошлом.[1] То есть прошлое само по себе нам недоступно. Мы не имеем возможности сравнить исторический нарратив с его предметом, мы можем его сравнить только с другим таким же нарративом. Новая историография исходит из того, что язык, с помощью которого оформляется всякий исторический документ, так же, как и всякий, базирующийся на нем, исторический текст, является границей познания. [3] Таков основной вывод «лингвистического поворота» применительно к историографии, ставший, на наш взгляд, возможным благодаря логическому развертыванию конструктивистской гипотезы, появившейся в качестве методологического принципа социо-гуманитарного познания в конце XIX века.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003.
2. Копосов Н.Е. Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
3. Стрелков В.И. К онтологии исторического текста: некоторые аспекты философии истории Ф.Р. Анкерсмита // Философия и современные проблемы гуманитарного знания. М., 2000. Вып. 2. С. 123-138.

4. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.